

Предметно-практическое познание в системе видов познавательной деятельности

Дано описание предметно-практического познания как особого вида познавательной деятельности, отличного от обыденного и научно-теоретического познания. Обосновано введение термина «предметно-практическое знание». Определены гносеологические особенности предметно-практического познания, описаны его разновидности, выявлены тенденции его развития в современном обществе.

Ключевые слова: *типология знания, виды познания, практическое познание.*

Одним из наиболее значимых изменений при переходе от классической к неклассической эпистемологии является формирование феноменологического подхода к анализу познания. Если классическая теория познания ориентировалась на построение универсальной модели познавательного процесса, рассматривая, в частности, как единый стандарт движение от эмпирического к теоретическому уровню, то феноменологический подход начинается с признания непреложным фактом *существования* в познании принципиально различных способов его реализации, в каждом из которых используются свои правила принятия базовых положений, свои логические приемы обработки информации, свои условия определения истинных утверждений и т.д. В результате одним из ключевых направлений неклассической эпистемологии становится исследование различных *видов познания* как гносеологически специфичных феноменов.

Наиболее традиционным в феноменологическом дискурсе является разграничение обыденного и научного познания как двух систем производства знания, организованных принципиально различным образом. Обыденное знание человек приобретает без специальной постановки познавательных задач, в процессе повседневной деятельности, стихийно, с использованием лишь общих логических средств (например, аналогии) без целенаправленных действий по обеспечению их эффективности, не стремясь к их строгой систематизации и верификации. Научное познание требует специальной подготовки и информированности в определенной области, локализации целей познавательной деятельности и задач исследования, использования специальных методов, процедур верификации и фальсификации. Несовпадение фигур носителя народной мудрости, обладающего огромным жизненным опытом, и ученого-теоретика, специализирующегося в узкой области знания, иллюстрирует различие между этими типами знания.

Отметим наиболее значимую характеристику, определяющую остальные свойства обыденного познания. Главной его особенностью является погруженность в повседневную деятельность. Результат обыденного познания – обыденное знание – представляет собой совокупность информации, необходимой для повседневной жизни, основу разумной ориентации в жизненном пространстве человека, источник суждений на уровне здравого смысла. Обыденное знание создается и накапливается не ради общего понимания мира, построения систематической картины сфер реальности, а для обеспечения практических действий, совершаемых человеком. Именно поэтому оно может оставаться, например, фрагментарным (наборы сведений о способах приготовления пищи, о маршрутах транспорта, о нормах коммуникации представляют собой отдель-

ные, никак не соотносящиеся между собой «резервуары» информации) и обходиться без фундаментальных обоснований (если существуют маршруты городского транспорта, которыми можно воспользоваться, немногие люди задумаются над вопросом о том, по какой системе они нумеруются). Всякое познание основано на практике; но обыденное познание целиком функционирует внутри нее и не ориентировано на выход за ее рамки.

Выделить похожий на обыденное познание, но все-таки отличный от него гносеологический феномен можно, если обратить внимание на тот факт, что направленность на обеспечение практической деятельности не составляет прерогативу обыденного познания. Практика – материальная, целеполагающая, предметно-преобразующая деятельность – охватывает не только повседневную жизнь. Практика включает производственно-техническую, социально-политическую, художественную, научно-эмпирическую, игровую и другие формы деятельности; все они требуют соответствующих гносеологических оснований. Исходя из этих соображений, С.П. Щавелев предложил в свое время термин «практическое познание», отметив, что с обыденным оно пересекается лишь частично, может быть описано как «мышление по ходу практической деятельности» и соотнесено с классическим философским термином «практический разум» (с уточнением, что речь идет не только о рациональном уровне познания). С.П. Щавелев определил практическое познание как «процессы отражения и конструирования действительности, выработки и принятия решений, оценки эффективности их исполнений внутри продолжающейся практики; когнитивные моменты материально-преобразующей деятельности людей» [8, с. 43] и указал, что оно «вплетено во вполне определенные циклы продолжающейся деятельности» [8, с. 39].

Предлагаемое нами развитие термина «практическое познание» основано на том обстоятельстве, что одна из ключевых тенденций исторического развития практики состоит в выделении всех ее социально востребованных форм в специализированные сферы деятельности. Так, кулинария, цветоводство, рукоделие, уход за детьми, оформление дома и другие подобные сферы практических действий существуют в современном обществе не только как составляющие повседневной жизни (и соответственно виды деятельности, которым занимается большинство людей), но и как профессиональные практики, предполагающие иерархию уровней освоения. Они обрастают накопленным опытом, профессиональным инструментарием, выработанными методиками. Сдвиг к спецификации локальных форм практики особенно заметен в постиндустриальном обществе, где уборку в домах берут на себя клининговые компании, организацию дружеских пикников на природе – служба кейтеринга, построение личных планов – дизайнеры карьеры, а людям, которые хотят, но стесняются затронуть какую-то тему в разговоре с близкими, предлагают свои услуги психологические консультации: профессионально начинают реализовываться даже те действия, которые, как еще недавно предполагалось, люди осуществляют для себя самостоятельно.

С эпистемологической точки зрения это означает, что постоянно происходящее в культуре накопление знаний, относящихся к локальным формам деятельности и обеспечивающим их, постепенно перерастает в их специальное производство. Комплексы знаний, концентрирующихся вокруг определенной тематики, становятся все более развитыми, сложными, утонченными; в какой-то момент

возникает грань между более-менее широко распространенными сведениями и «продвинутым уровнем» знаний. Например, над базовым уровнем круга знаний, связанных с приготовлением пищи, по мере развития кулинарии как специализированной сферы деятельности надстраивается слой более сложных практических знаний – рецепты изысканных блюд, национальные кухни, сочетания продуктов и специй, применение профессиональных поварских инструментов, способы подачи... По мере накопления сведений в таких «тематических блоках» формируется также определенная гносеологическая нормативность, т.е. устанавливается необходимый круг знаний, которыми принято обладать и которые надлежит использовать человеку, берущемуся за осуществление данной деятельности.

Указанные изменения выводят рассматриваемый тип знания за пределы обыденного познания: согласно базовому определению Б.Я. Пукшанского, «обыденное знание в самом общем плане противостоит не только научному, но специализированному знанию вообще» [7, с. 91], а данное знание основано как раз на специализации. Это не превращает его в научное знание, прежде всего потому, что в нем отсутствует основная цель науки – объяснение мира. Это именно особый вид знания, развивающийся на стыке повседневной практики и специализации, практического опыта и его теоретического оформления.

Концентрация вокруг того или иного предмета, тематическая определенность практического знания данного типа позволяют обозначить его как *предметно-практическое* знание. Это характеристика знания, аналогичная дисциплинарной организации науки: конституирование любой науки основано на выделении ее предмета, т.е. определении класса объектов, их свойств и связей, которые должны изучаться в рамках данной дисциплины. В то же время границы областей предметно-практического знания определяются не в результате постановки и решения эпистемической задачи конструирования собственного теоретического мира, а вследствие сохраняющейся непосредственной связи с локальными формами практической деятельности. Например, выраженные области предметно-практического знания формируются вокруг отдельных сфер хозяйственной деятельности, занятий различными видами искусства и спорта и т.д.

Предметно-практическое знание обладает рядом гносеологических особенностей в сравнении с обыденным познанием. Прежде всего, предметно-практическое знание систематично – в том плане, что сформированные комплексы знаний, во-первых, имеют внутреннюю организацию, а во-вторых, стремятся к полноте репрезентации отображаемого сектора бытия. То и другое необходимо для решения задач обеспечения регулируемой деятельности – в идеале в предметно-практическом знании должны существовать как алгоритмы для всех используемых вариантов ее осуществления, так и понятные правила их выбора. Вместе с тем систематичность предметно-практического знания, как правило, не вертикальная, связанная с возрастанием уровня обобщения (как в науке), а горизонтальная, классификационная (причем многоуровневые классификации в данном виде знания редки). Например, для предметно-практического знания характерны линейные описательные типологии, разделяющие на подклассы объекты, по отношению к которым осуществляется деятельность, а также формы деятельности. Так, предметно-практическое знание, связанное с лыжным спортом, включает сведения о возможных состояниях снежного покрова, стилях хода, способах прохождения участков с различным рельефом и т.п.

Предметно-практическое знание в современных условиях имеет различные источники пополнения: его практический характер не означает, что оно будет выводиться каждый раз из индивидуального практического опыта. Под практикой понимается совокупная практическая деятельность, предполагающая коллективный опыт; соответственно индивидуальный запас практических знаний в конкретной области формируется на основе собственных наблюдений, освоения и применения соответствующей литературы, интерсубъективного обмена информацией, рекомендаций специалистов, в том числе распространяемых через средства массовой информации, специальных курсов обучения и тренингов, а возможно, и систематического профессионального обучения. (Можно представить, как работают все перечисленные источники в предметно-практическом знании о садоводстве владельца дачного участка, базирующегося на многолетнем опыте, советуемого с соседями и посещающего популярные лекции.) Практический статус знания при этом выражается в его сохраняющемся рецептурном характере и соответствующей целевой направленности.

В результате возникает своеобразное свойство предметно-практического знания, которое может быть определено как «ограниченная теоретичность». Предметно-практическое знание использует ряд теоретических средств отображения реальности: собственную терминологию, типологии и классификации, аналитическое построение (например, выделение и описание базовых операций, комбинирование которых создает полные технологии). Но теоретический уровень этих построений не может быть выше заданного практическими потребностями. Градация уровней прожарки стейка от blue rare до well done логически корректна – она соответствует требованиям полноты, последовательности деления, равенства объемов делимого понятия и суммы членов деления, взаимного исключения подклассов. Но научная классификация позволяет выводить новое знание из классификационной позиции объекта; практическая типология означает только то, что означает.

С точки зрения субъектности предметно-практическое знание обладает качеством, которое Л.А. Микешина назвала социальной распределенностью знания и которое заключается в том, что «разные люди или типы людей обладают [им. – Н.М.] в разных объемах и содержании... Знание об этом само является важным элементом социального запаса знания каждого из нас» [3, с. 69–70]. Понимание возможности выполнения деятельности не каким-то единственным способом, а в разных вариантах и на разных уровнях (и соответственно – обнаружение того, что нечто можно сделать правильнее, но надо знать как) составляет, по-видимому, граничное условие формирования предметно-практического знания.

Итак, предметно-практическое знание может быть определено как *знание, непосредственно соотнесенное с каким-либо конкретным видом специализированной практической деятельности и включающее в себя рецептурные, методологические и теоретические основания данной деятельности.*

Если практическое знание в целом сопоставляется с категорией практического разума, то предметно-практическое может быть соотнесено прежде всего со смысловым рядом, заданным такими понятиями, как «технэ», «ноу-хау», «методика». Указанные термины отражают эпистемологический статус предметно-практического знания, поскольку фиксируют два его главных определителя: во-первых, речь идет о знании, имеющем операциональную направленность;

во-вторых, оно основывается при этом на некоторых правилах и принципах общего характера.

Древнегреческое по происхождению слово *технэ* первоначально означало искусство плотника и строителя, а в более общем плане – высокий уровень мастерства во всяком производстве. Основное содержание *технэ* образует *мехос* – «уловка», специально выработанный прием, позволяющий добиться цели (слово *механика* восходит к этому источнику, как, впрочем, и *махинация*). Обратим внимание, что в современном словоупотреблении этой традиции соответствует не только техническая лексика, но и такие выражения, как «техника спортивной ходьбы», «техника игры на гитаре» и т.п. Действие, которое осуществляется без специальной рефлексии и контроля, не связывают с понятием техники; но там, где возникает вопрос о правильном выполнении этого действия и выработке специальных приемов, возникает «технэ» (и становится возможной даже «техника дыхания», если речь идет о необходимости дышать вразрез с рефлексом, осознанно). Это как раз и означает, что идея означает, что идея «технэ» фиксирует момент появления особого знания о совершаемом действии и начало организации действия с помощью знания. Почти обязательно такое знание включает не только предписание, но и развертывание, обоснование, ответ на вопрос: «Почему именно так?»

То же самое относится к понятию «ноу-хау», которое выражает ситуацию процедурного применения уже существующего знания общего характера, и методике как способу реализации определенного действия, алгоритму, совокупности приемов его выполнения (например, методика проведения эксперимента существенно конкретизирует общее знание об эксперименте как эмпирическом методе). Соотнесение предметно-практического знания с ним фиксирует первоочередность в этом типе знания «как», в сравнении со знаниями «что» и «почему», в то же время сохраняя идею обязательности уровня общего понимания процесса для выработки рационального (и, вероятно, отличного от спонтанно складывающегося) алгоритма действия. Таким образом, предметно-практическое знание может быть охарактеризовано как «технэ» специализированной деятельности, основанное на определенных достигнутых в этой области теоретических обобщениях.

Иногда бывает, что, найдя подходящий термин для обозначения чего-то, мы вдруг начинаем обнаруживать это что-то буквально на каждом шагу. Выделение предметно-практического познания как своеобразного эпистемического таксона позволяет оценить этот вид познания (и соответственно тип знания) как весьма распространенный в современной культуре.

Наиболее простой вариант предметно-практического знания – это знакомые каждому комплексы знаний, которые возникают у человека при освоении какого-либо вида практической деятельности уже при минимальном углублении в эту деятельность по сравнению со «средним уровнем». Девочки в танцевальной студии знают, например, какие танцы входят в европейскую, а какие – в латиноамериканскую танцевальную программу, какие костюмы и обувь требуются для каждого танца и как подготовить туфли к выступлению. Волейболист знает тонкости правил, тактические приемы игры, способы разминки и возможности собственного организма. Мастерница вышивания крестиком знает, что узор надо начинать с середины. Водитель знает, как управлять автомобилем, и по мере приобретения опыта открывает для себя все новые и новые тонкости, о которых

не рассказывали (или рассказывали) в школе вождения. Хозяйка знает, как спланировать обед для десяти гостей. Все эти знания предполагают базовый уровень обучения, пополняются в коммуникациях в соответствующей среде и обогащаются выводами из собственной практики (например, правилами, которые человек устанавливает для себя после какой-либо сложной ситуации). Студентам в ходе обсуждения различных видов познания было предложено составить круговую диаграмму своих знаний с распределением между различными видами. В результате они оценили долю предметно-практических знаний в своем информационном багаже не менее чем в 20–25 % (а часто и до 40 %), и, на мой взгляд, вполне обоснованно.

Близкий к этому, но уже сопряженный с профессиональной деятельностью вариант предметно-практического знания формируется в практике работы в определенной области. Опытный продавец не только хорошо знает свой товар – он разбирается в особенностях покупательских стратегий и выбирает в каждом случае соответствующую тактику обращения (сравним его с новичком, который всегда начинает с одной и той же заученной фразы и не может избавиться от привычки оценивать покупателей по внешнему виду). Примечательно, что многие работники сферы обслуживания (продавцы, официанты) пользуются уже упомянутыми практическими типологиями, часто даже самостоятельно выработанными, деля клиентов на несколько поведенческих категорий. Хирург знает, как читать рентгенограмму – его этому учили в институте, но понимание того, что означает та или иная деталь, с этого только начинается. Врачи и педагоги одинаково хорошо знают, что для того, чтобы адресат зафиксировал в своем сознании обязательную часть обращенного к нему монолога, следует ее повторить три раза. Как и в первом случае, такие знания приходят из собственного опыта и обмена опытом, из профессиональной подготовки и переподготовки, из кропотливого изучения литературы и из единичных ярких случаев. Любая профессия содержит этот слой прикладных, конкретных знаний, которые, если даже они преподаются, входят в наш арсенал лишь через опыт практического применения и набор которых неизбежно индивидуален.

Поскольку наука в современном обществе также представляет собой профессиональный род деятельности, предметно-практическое знание, наряду с собственно научным, составляет важную часть знаний ученого. Например, химик знает периодическую систему элементов; одновременно он знает, что добавлять воду в кислоту нельзя, надо добавлять кислоту в воду, и помнит, какого цвета должен быть раствор. Очевидно, что это несколько иное знание; его выделение в рамках науки не совпадает с разграничением эмпирического и теоретического знания, поскольку эмпирическое знание отнюдь не сводится ни к рецептурному, ни к технологическому. Эмпирическое знание дает данные эксперимента; предметно-практическое знание участвует в определении того, как этот эксперимент должен быть осуществлен.

Существование особого слоя знаний предметно-практического характера в науке было описано М. Полани [6] с введением термина «личностное знание». По-видимому, этот термин также фиксирует особенность эпистемической позиции этого знания: за ним, конечно, есть теоретические основания, но все же его эпистемическая функция иная, и потому это знание предполагает обязательный акт принятия его человеком как руководства к собственному действию. Личностное знание было охарактеризовано М. Полани также как периферийное,

имплицитное, не полностью выражаемое вербально и передаваемое логическими средствами, усваиваемое по предлагаемым образцам и в результате собственных попыток в процессе обучения: «В самом сердце науки существуют области... знания, которое через формулировки передать нельзя» [6, с. 89]. Мы же хотели бы подчеркнуть, что этот слой знаний характерен не только (и, может быть, даже не столько) для науки, сколько для любой профессиональной деятельности, причем соотношение между объемами предметно-практического и концептуального знания в профессиональных сферах варьируется.

Последнее обстоятельство частично соотносится со следующей формой существования предметно-практических знаний: систематизированные и специализированные рекомендации к выполнению какого-либо действия, алгоритмизированное наставление (в том числе, но не обязательно, профессиональное). Это, во-первых, огромный поток разнообразных пособий, основанных полностью или частично на личном опыте авторов – например, «Как съездить в путешествие по Европе за 50 евро». Уровень их полезности существенно варьируется, как и широта охвата – от «Как повысить уровень продаж вдвое за четыре месяца» до «Как выйти замуж» или «Как стать счастливым и успешным»; востребованность таких изданий составляет характерную черту современной «цивилизации юзеров» [2, с. 168], убежденных, что для всего должны существовать готовая схема и нужная клавиша. Во-вторых, это оформленные на основе того же круга идей, но уже с использованием коллективного опыта, учебные курсы и специализации. В системе образования США существует традиция называть такие курсы науками на том основании, что они действительно содержат знания, которые следует осваивать целенаправленно, наработанные профессиональные достижения, существенно поднимающиеся над уровнем индивидуального опыта. Отсюда возникают факультеты «кулинарных наук», такие учебные дисциплины, как «Наука эффективных продаж», и такие специализации, как «Похоронные науки». Постепенно эта традиция распространяется и в России, поддерживаемая тем обстоятельством, что в современном российском обществе «наличие высшего образования перестало быть инструментом социального лифта, а превратилось в необходимое стартовое условие для выхода на рынок труда» [1, с. 38]. Логика проста: если некий вид деятельности требует обучения, подготовка к нему должна вестись в системе высшего образования, а результатом высшего образования является научная подготовка. Тем не менее любой специалист по науковедению скажет, что комплексы знаний такого рода не соответствуют критериям научности. В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» они отнесены к разряду околонучного знания: «Эти дисциплины учат полезным знаниям и навыкам, но не содержат системы идеализированных объектов, процедур научного объяснения и предсказания и потому не поднимаются выше систематизированного и дидактически оформленного опыта» [5, с. 690]. К такому же выводу приходит М.Ю. Опенков, анализируя термин «computer science» – «компьютерные науки»: он отмечает, что термин «science» слишком часто используется расширительно для обозначения видов практических занятий, основанных на целенаправленном освоении и сознательном применении некоторых принципов, и более точным, если речь идет о подготовке квалифицированных пользователей определенных программных средств, будет обозначение «компьютерное дело» [4, с. 181]. На наш взгляд, квалификация таких систематизированных наборов знаний с теоретическими основаниями, предназначенных

для практического использования, как предметно-практического знания (несколько иного по сравнению с наукой и обладающего самостоятельной ценностью) будет не только более правильной с точки зрения эпистемологии и философии науки, но и практически полезной в плане преодоления наметившейся диспропорции между высшим и специальным образованием.

Наконец, предметно-практическое знание занимает заметное место в содержании прикладных наук (что составляет одно из их основных отличий от фундаментальных). Общий принцип разграничения фундаментальных и прикладных наук состоит в направленности первых на познание закономерностей природы, общества и мышления (безотносительно к дальнейшему использованию этих знаний), а вторых – на применение результатов фундаментальных наук для решения социальных задач. Разумеется, это деление относительно, прежде всего потому, что прикладные науки все в большей степени создают и используют собственные результаты; но определенное различие в направленности знания просматривается. Указывая на существенную роль предметно-практического знания в прикладных науках, мы хотели бы указать также на вполне конкретную возникающую в практике проблему. При рассмотрении диссертационным советом квалификационных работ по педагогике иногда возникает ситуация, когда соискатель имел в своем багаже действительно вполне очевидное собственное достижение: он разработал структуру нового учебного курса, методику обучения решению задач определенного типа, новый способ представления учебного материала и т.д. Но это не является новым теоретическим достижением и не может быть оценено в этом качестве. Соответственно соискатель начинает формулировать теоретические положения, часто лишь косвенно связанные с проделанной им реальной работой, и в конце концов получает ученую степень за очередное уточнение различий между терминами «компетенция» и «компетентность», а не за основной полученный им результат. С точки зрения эпистемологии эта ситуация ясна: основной результат относится к сфере предметно-практического, а не научно-теоретического знания. Логично предположить, что именно он и должен быть оценен; но для этого требуются критерии оценки и признания, адаптированные к гносеологическим характеристикам предметно-практического знания и основанные на понимании его специфики. Необходимость же оценивать такую работу по системе требований к научно-теоретическим разработкам неизбежно ведет к некоторой натяжке.

Таким образом, эпистемологическое исследование феноменологии познания, направленное на выявление качественного своеобразия конкретных видов познания, приводит к неожиданно радикальному практическому выводу. Если предметно-практическое знание действительно представляет собой особый вид познания, то именно в этом качестве оно и должно функционировать в социальной системе. В перспективе это означает, что с развитием предметно-практического знания обозначается потребность в системе признания обществом высоких познавательных достижений в этой сфере (т.е. не просто высокого уровня профессионального мастерства, но и осуществления создания и закрепления определенного знания); данная система должна не интегрироваться в существующую процедуру признания научных достижений, а дополнять ее. Иными словами, если в настоящее время специалист, например, по связям с общественностью, действительно создавший нечто новое в сфере социальных технологий и стремящийся к социально принятому оформлению своих достиже-

ний, начинает думать, каким образом привязать полученный результат к социологии управления, психологии, социальной философии или какой-то другой области науки, то при существовании такой системы он должен обратиться к иной, более точно отражающей специфику его деятельности и не менее социально значимой процедуре.

Библиографический список

1. Белоцерковский А.В. Присуждение ученых степеней в России: защита от кого и от чего // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 37–44.
2. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 560 с.
3. Микешина Л.А. Дискуссии о знании как перманентное состояние // Эпистемология и философия науки. 2012. № 4. С. 66–73.
4. Микешина Л.А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. М.: Рос. полит. энцикл., 1997. 240 с.
5. Паранаука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 689–691.
6. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
7. Пукшанский Я.Б. Обыденное знание: Опыт философского осмысления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 152 с.
8. Щавелев С.П. Практическое познание. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1994. 232 с.

Martishina N.I. Subject-practical Knowledge in the System of Types of Cognitive Activity. A description of the subject-practical knowledge as a special type of cognitive activity is given. The author proves that the subject-practical knowledge is different from both ordinary consciousness and scientific, theoretical knowledge. It is justified that the term «subject-practical knowledge» is more concrete than the term «practical knowledge». Epistemological features of the subject-practical knowledge are defined. Varieties of existence and tendencies of the development of the subject-practical knowledge in modern society are described.

Key words: *phenomenology of knowledge, types of cognition, practical knowledge.*

Мартишина Наталья Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и культурология» СГУПСа. Область научных интересов: теория познания, философия науки.
E-mail: nmartishina@yandex.ru